

**CONNECT
UNIVERSUM
2016**

МАТЕРИАЛЫ
III Международной трансдисциплинарной
научно-практической WEB-конференции
CONNECT-UNIVERSUM – 2016

**ЦИФРОВОЕ
КОЧЕВНИЧЕСТВО
КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ
И СИБИРСКИЙ ТРЕНД**

24–26 мая 2016 года

**Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Кафедра социальных коммуникаций**

ЦИФРОВЫЕ КОЧЕВНИКИ: ОНИ УЖЕ СРЕДИ НАС!

24–26 мая 2016 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете состоялась III Международная трансдисциплинарная научно-практическая WEB-конференция «Connect-Universum-2016» (<http://connect-universum.com>). Непосредственными организаторами этого мероприятия стали кафедра социальных коммуникаций факультета психологии ТГУ и Центр исследований ТГУ «Транссибирский научный путь» (TSSW) ТГУ (<http://tssw.ru>). Тема конференции: «Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд».

В качестве вводной статьи к сборнику материалов конференции предлагается диалог между **Эдуардом Галажинским (ректором ТГУ, председателем экспертного совета WEB-конференции «Connect-Universum – 2016»)** и **Ириной Кужелевой-Саган (зав. кафедрой социальных коммуникаций ТГУ, председателем оргкомитета конференции)**, состоявшийся накануне обозначенного мероприятия (текст представлен на официальном сайте ТГУ по адресам: http://www.tsu.ru/university/rector_page/tsifrovye-kochevniki-oni-uzhe-sredi-nas/; http://www.tsu.ru/university/rector_page/tsifrovye-kochevniki-oni-uzhe-sredi-nas-chast-2/). Этот диалог поможет прояснить, что такое «цифровое кочевничество» (“digital nomadism”), и почему настало время серьёзно изучать это явление.

Ирина Кужелева-Саган (далее – И. К.-С) – Эдуард Владимирович, еще некоторое время назад тема цифрового кочевничества показалась бы многим, скорее, научно-фантастической, нежели научно-практической. Особенно применительно к Сибири, где сам факт существования Интернета для части зарубежной аудитории до сих пор находится под вопросом. Тем не менее, Вы проявили к этой теме большой интерес. С чем это связано?

Эдуард Галажинский (далее – Э. Г.) – «Цифровая» проблематика применительно к гуманитарной сфере не может не интересовать меня как руководителя и психолога. Кроме того, всё чаще начинаешь ощущать себя человеком цифровой эпохи. И это не громкие слова, это наша повседневность. Подавляющая часть информации поступает к нам по цифровым каналам. Не только деловые, но и межличностные коммуникации осуществляются посредством различных электронных устройств и технологий. Мы не можем не осознавать наступление новой – цифровой – эры, где бы мы сегодня не находились: в силиконовой долине, Сколково или Томске.

И. К.-С. – Как Вы относитесь к самому понятию «цифровые кочевники» или «цифровые номады», пришедшему в этот мир еще в конце 1990-х годов благодаря Цугио Махимото и Дэвиду Мэннерсу?

Э. Г. – Почти одновременно с *цифровыми кочевниками* возникла ещё пара подобных метафорических понятий: *цифровые аборигены* и *цифровые иммигранты*. Их ввел, если я не ошибаюсь, Марк Пренски (<http://shkola30.livejournal.com/131666.html>). Чуть позже появились и *цифровые ковбои*, описанные Пеккой Вильякайненом и Марком Мюллером-Эберстайном в книге «Без страха. Лидеры бизнеса в цифровую эпоху» (<http://biznes-knigi.com/avtor-pekka-vilyakaynen/2805-bez-straha-lidery-biznesa-v-cifrovuyu-eru-pekka-vilyakaynen.html>). И некоторые путают все эти термины. Тем не менее, если хорошо подумать, то даже не читая специальных книг, можно понять их различие. Цифровые аборигены – это та молодёжь, подростки и дети, для кого цифровой мир является родным, окружая их с первых дней жизни. Можно сказать, что они появились на свет с айфонами в руках, и что они – носители языка цифровых технологий. Цифровые иммигранты – это люди, рожденные в доцифровую эпоху, поэтому для них этот язык изначально является «иностранным». И теперь они изучают его по доброй воле или вынуждено. Цифровые ковбои – это те же цифровые аборигены, но с подчеркнутым стремлением к свободе и риску, особенно ярко проявляющемся в сфере предпринимательства. Что касается *цифровых кочевников*, то здесь, кроме круглосуточного нахождения в Сети, главной чертой является желание или необходимость постоянной перемены мест.

Причем не виртуальной, а реальной. Им, как и традиционным кочевникам, нужно время от времени менять свои «пастбища».

И. К.-С. – Макимото и Мэннерс, в общем-то именно так и определяют основные характеристики идентичности цифровых кочевников: «подключенность» к Сети и постоянная мобильность.

Э. Г. – Сегодня уже ясно, что эта новая идентичность не могла не сформироваться под влиянием целого ряда мощных факторов: быстрого развития воздушного транспорта и инфраструктуры гостевого хостинга; резкого повышения академической и бизнес-мобильности; отсутствия долгосрочных гарантий занятости, а значит, готовности искать работу в других городах и странах; падения интереса к приобретению недвижимости, привязывающей к одному месту, и прочего.

И. К.-С. – Но всё же главными причинами возникновения цифрового кочевничества стали экспоненциальный рост индустрии электронных мобильных устройств, дальнейшее развитие Интернета и почти повсеместный переход на беспроводную связь. В результате уже в начале 2000-х многие работники и работодатели поняли, что для эффективной работы им нужен только ноутбук. А в некоторых случаях достаточно и одного сотового телефона. И здесь можно привести такой факт: в Японии в 2007 году 5 из 10 бестселлеров были созданы на телефонах. А еще вспоминается история о Диогене, который, увидев мальчика, пьющего из ладошки, выбросил из своей котомки даже кружку.

Э. Г. – Действительно, зачем тратить на покупку или аренду офисов, когда можно связываться со своими сотрудниками и клиентами по скайпу? В случае же особой необходимости можно встречаться с ними в «третьих местах» – кафе, библиотеках, коворкингах. Такой недорогой, но эффективный способ организации деловых коммуникаций стал быстро распространяться сначала в мегаполисах, а затем и в других местах, покрываемых спутниковой связью. И когда начинаешь знакомиться с явлением цифрового кочевничества более подробно, то понимаешь, что за 20 лет в масштабах мира оно действительно стало глобальным. Достаточно ввести английское словосочетание «digital nomads» в поисковик, чтобы увидеть сотни, если не тысячи, страниц, в той или иной степени имеющих отношение к этой социальной практике. Прежде всего, это блоги самих цифровых номадов, являющихся сегодня представителями самых разных видов профессиональной деятельности.

И. К.-С. – А сами Вы ощущаете себя цифровым кочевником хотя бы иногда?

Э. Г. – Ощущаю и довольно часто. Моя должность подразумевает частые поездки и необходимость всегда быть на связи. Эта постоянная подключенность к Сети, независимо от места, очень сильно меняет стиль жизни и способы работы. В «кабинет» превращается и столик в кафе, и кресло в зале ожидания и самолёте.

И. К.-С. – Для Вас это новые возможности или новые ограничения?

Э. Г. – И то, и другое. Плюс в том, что ты в любой момент и в любом месте можешь связаться с нужным человеком, получить и отправить информацию, самостоятельно регулировать режим своего присутствия в Сети. Минус, что никогда не ощущаешь себя полностью «отключенным» от неё. Появляется письмо в электронном ящике, и сразу чувствуешь обязанность ответить. Такая жизнь требует новых компетенций в её организации, а иначе она становится очень нервной. Нужны и особые психологические навыки, чтобы комфортно жить в режиме постоянной мобильности и «подключенности». Необходимо и более ответственно относиться к своему физическому здоровью из-за возникающих дополнительных нагрузок – смены временных поясов, неограниченности рабочего графика.

И. К.-С. – Согласитесь, далеко не все могут выдержать трудности кочевого образа жизни в цифровом обществе, несмотря на те «свободы», которые он дарует.

Э. Г. – Каждый сам делает свой выбор. Если хочешь быть в курсе наиболее актуальной информации и чувствовать себя нужным как профессионал, то придётся осваивать такой режим существования. Как правило, сегодня в него переходят наиболее востребованные специалисты. Причем в глобальном контексте, как уже было сказано выше. И для таких людей

нужно совсем по-другому выстраивать систему мотивации и рабочих мест. Для ректора вуза – это тоже вызов. Университет – это сообщество свободных творческих личностей. Люди именно такого склада и становятся цифровыми кочевниками. Особенно, если они молоды и являются еще и цифровыми аборигенами, способными воспользоваться всеми техническими достижениями современного сетевого информационного общества. Они знают языки, у них нет проблем в выстраивании межкультурных коммуникаций. Для таких людей характерна ориентация на самую высокую степень самореализации. Они ищут себя, ищут новые виды и места деятельности. Но они будут делать только то, что им интересно. Как удержать их в университете в качестве сотрудников – преподавателей и исследователей? Только создав им новые – «кочевые» – условия для работы и жизни, позволяющие им, с одной стороны, получать удовольствия от путешествий, с другой, быть максимально эффективными работниками. Но университеты, по большому счету, даже еще не начинали думать на эту тему.

И. К.-С. – А кто-нибудь уже начал?

Э. Г. – Впереди, как всегда, предприниматели. Исследования типа «Без страха» Вильякайна убедительно показывают, что бизнес уже пришел к тому, чтобы опираться на потенциал таких людей и превращать его в организационную прибыль. Например, такие глобальные компании, как «Прайсвоутерхаускоперс» (PricewaterhouseCoopers, PwC, профессиональные услуги в области консалтинга и аудита <http://www.pwc.ru>), разработали целую систему сотрудничества с талантливой, но непоседливой молодежью. Сотрудники этой компании работают в свободном режиме. Они могут взять отпуск в любое удобное для себя время, чтобы уехать на несколько месяцев и трудиться где-нибудь на берегу залива. Они могут менять не только места проживания, но и виды деятельности. На первый взгляд, это идет несколько вразрез с рыночной идеологией. На самом же деле бизнес-структура получает возможность приглашать на работу самых лучших специалистов независимо от их местонахождения. И не терять их, если у них меняются жизненные обстоятельства. Более того, трудясь в разных точках планеты, эти специалисты становятся международными «послами» компании, способствуя росту её зарубежных целевых аудиторий. Для меня это свидетельство превращения данного явления из некоей феноменологической догадки в реальный движок экономики.

И. К.-С. – Почему же университеты до сих пор не начали думать в эту сторону? Разве им не нужны лучшие в мире специалисты и свои «послы» за рубежом? Ведь они могли бы не только консультировать студентов, магистрантов и докторантов, но и проводить полноценные лекции в режиме онлайн, давать задания аудитории и оценивать её работу. Или всё-таки существуют какие-то технические проблемы, не позволяющие осуществлять учебно-образовательный онлайн-процесс на высоком уровне?

Э. Г. – Никаких особых технических проблем здесь уже давно нет. Существует множество программ и приложений, позволяющих преподавателю поддерживать качественную двустороннюю связь со своими студентами, даже если они находятся по другую сторону планеты. Проблема совсем в другом – в несовершенстве отечественного трудового кодекса, разработанного и утвержденного еще в доцифровую эпоху. Многие, наверно, помнят скандал с челябинским профессором массовых коммуникаций, привлеченным к суду за «мошенничество» (https://www.znak.com/2014-09-08/sud_vynes_prigovor_professoru_chelyabinskogo_gosuuniversiteta_kotoraya_obvinyalas_v_moshennichestve_z). Находясь на стажировке за рубежом, оплачиваемой принимающей стороной, профессор проводила занятия со своими студентами дистанционно. Несмотря на то, что всё было ими подтверждено, её обвинили в незаконном присвоении средств в виде заработной платы за эти дистанционные часы. История произошла 2 года назад, и это при том, что в 2013 году трудовой кодекс РФ уже был дополнен новой главой 49.1 о дистанционной работе (<http://buh.ru/articles/documents/15080/>).

И. К.-С. – Да, сложно быть университетским цифровым кочевником с нашим Кодексом законов о труде Российской Федерации.

Э. Г. – Между тем, именно для университета подобная, то есть относительно свободная, организация труда наиболее гармонична! Есть аудиторные пары по расписанию, которые при

необходимости могут проводиться и дистанционно. Но есть и научно-исследовательская деятельность, которая может осуществляться в любое удобное время. Кого-то творческое вдохновение посещает утром или днем, кого-то – вечером или ночью. Главное – это результат: научное открытие, реализация проекта, соответствующая публикация. При этом надо понимать, что разным людям нужно разное количество времени для достижения одних и тех же целей. Поэтому изменения в КЗоТе, так необходимые для университетов, должны ориентироваться, прежде всего, на *результаты* работы, которые могут быть достигнуты как в офлайн, так и онлайн форматах; а не на количество обязательных для всех часов, «отсиживаемых» на кафедрах и в лабораториях. несовершенство законодательства мешает привлекать к сотрудничеству высоко востребованных и мобильных зарубежных специалистов, предпочитающих работать дистанционно. К сожалению, пока эта сложнейшая задача соединения требований отечественного трудового кодекса с новыми вызовами цифровой эпохи никак не решается...

И. К.-С. – Тем не менее, Вы верите в то, что это когда-нибудь произойдет?

Э. Г. – Верю, потому что иначе российские вузы никогда не смогут реализовать все достижения наступившей цифровой эпохи и останутся на обочине мировых трендов.

И. К.-С. – Эдуард Владимирович, до сих пор Вы говорили о возможностях цифрового кочевничества, в основном, применительно к работе вузовского преподавателя и исследователя, но ведь цифровые кочевники – это же и новая студенческая аудитория!

Э. Г. – Конечно. И многие зарубежные университеты, включая самые топовые, уже работают для неё, разрабатывая самые различные дистанционные курсы и программы. Благодаря этому, люди, находящиеся в состоянии постоянной мобильности и подключенности к Интернету, имеют возможность полноценно учиться прямо в процессе своего «кочевания». Есть масса образовательных направлений, для которых частое перемещение в пространстве при условии стабильности спутниковой связи – это не помеха в формировании необходимых профессиональных компетенций.

И. К.-С. – Как Вы оцениваете с этой точки зрения возможности Томского государственного университета?

Э. Г. – Создавать электронные дистанционные образовательные программы мы начали относительно недавно, но первые результаты уже очень обнадеживают. Преподавателями ТГУ разработано 12 образовательных курсов, часть из которых являются самыми востребованными в русскоязычной зоне международной платформы Coursera (<https://ru.coursera.org>). Если исходить из количества обучающихся по всем этим программам (30 тысяч человек), то можно сказать, что на сегодняшний день функционирует еще один Томский государственный университет, только в электронном формате. Теперь нам нужно также активно внедряться и в англоязычную зону Coursera, имея в виду в качестве потенциальной аудитории и глобальных цифровых кочевников.

И. К.-С. – Каким образом новые вызовы и тренды наступившей цифровой эпохи могут изменить политику старейшего в Сибири Томского государственного университета?

Э. Г. – Самым существенным образом. Десятилетиями мы ставили перед собой задачу удерживать «навсегда» в Томске наших лучших выпускников и тех зарубежных и российских иногородних специалистов, которых удавалось привлечь к работе в ТГУ. Сегодняшняя склонность наиболее востребованных молодых и зрелых профессионалов к высокой социальной мобильности делает эту задачу абсолютно неактуальной. Как цифровым кочевникам – постоянным или «сезонным» – им неинтересно много лет жить на одном месте, даже если это не Томск, а Сан-Франциско или Лондон. Поэтому «Сибирские Афины» ненужно позиционировать для них как место постоянного жительства, а ТГУ – как место постоянной работы. Нужно сразу говорить: «Наш университет – это коммуникационный хаб. Мы приглашаем вас сюда не для того, чтобы вы остались здесь до конца вашей жизни. Но мы хотим вам предложить нечто такое, ради чего стоит приехать к нам на 2-3 года: возможность проводить уникальные научные исследования и приобретать компетенции, которые вы не получите больше нигде. И вы сможете применять их потом в любом уголке земного шара».

И. К.-С. – Именно такую логику привлечения зарубежных и иногородних научных сотрудников Вы считаете сегодня самой эффективной?

Э. Г. – Да. Нужно искать по всему миру профессионалов, которым в принципе интересно работать в университете. Понятно, что здесь важна и материальная составляющая. Но она не определяющая для такого типа людей как, например, Терри Каллаган. Денег у нас всегда будет меньше, чем у Кембриджа и Стэнфорда. И мы никогда не сможем перекупить у них самых лучших специалистов. Мы можем только создать какие-то иные возможности для их самореализации, чтобы они приехали к нам из жажды нового и интересного. Работа с такими людьми значительно сложнее, чем просто рекрутинг на высоко конкурентном рынке.

И. К.-С. – Вероятно, что и образовательная политика должна выстраиваться в таком же русле? То есть привлекать молодежь, прежде всего, интересными магистерскими программами?

Э. Г. – Да, конечно. В ТГУ уже сейчас 80% обучающихся – это иногородние студенты. Мы работаем на всю Россию и уверены, что можем работать на весь мир, как это делают многие американские и европейские университеты.

И. К.-С. – И всё-таки, ЧТО именно может привлечь в Томский госуниверситет глобальных цифровых кочевников – исследователей и студентов, кроме их страсти к перемене мест и жажды экстрима?

Э. Г. – Возможности по изучению уникальных объектов, явлений и процессов. И прежде всего, самой Сибири как мега-климатической «установки», участвующей в формировании климата на всей планете. Изучению не только в аудиториях и лабораториях, но и во время экспедиций на Васюганское болото и университетскую горную базу Актру. В ряду таких объектов и огромная антропологическая база по народам Сибири с коллекций из 5,5 тысяч экспонатов от эпохи неолита до современности (<http://obzor.westsib.ru/article/479678>). Музеи, институты, лаборатории и кафедры ТГУ обладают и другими редкими коллекциями – минералогическими, ботаническими, зоологическими, археологическими, этнографическими и прочими. Здесь можно изучать генофонд Сибири – один из самых богатых в мире в виду того, что он формировался на перекрестке сразу двух континентов: Европы и Азии. Отдел редких изданий Научной библиотеки ТГУ может предложить большое количество, еще никем глубоко не исследованных, первоисточников. Наши физики, химики, психологи и лингвисты могут вовлечь талантливую молодежь (студентов, магистрантов, аспирантов и будущих PhD) в уже реализуемые ими крупные международные научные сетевые проекты. И этим список возможностей не исчерпывается.

И. К.-С. – Для цифровых кочевников, как известно, очень важно наличие соответствующей инфраструктуры: зон с устойчивой спутниковой связью и высокоскоростным Интернетом, «заправочных станций» для их электронных гаджетов, круглосуточных коворкингов и вообще уютных мест с выходом в Сеть и возможностью здесь же попить-поесть. Важна и безопасность. Может ли Томский государственный университет всё это обеспечить?

Э. Г. – В обозримом будущем – несомненно. Мы понимаем, что если ТГУ не превратится в «оазис» для цифровых кочевников, то они сюда не поедут. По крайней мере, в массовом порядке. И мы начали активно отстраивать такую инфраструктуру. Уже сегодня в Научной библиотеке функционирует круглосуточный коворкинг-зал для студентов. Судя по всему, он пришелся по душе молодым городским цифровым кочевникам. Открылся для индивидуальной и групповой работы и новый исследовательский зал. Доводится до необходимого качества Интернет не только в учебных корпусах, но и общежитиях. Идет, практически, повсеместный процесс по созданию уюта и «попить-поесть», о чем я уже не раз говорил в своих блогах. И будущее новое общежитие, решение о строительстве которого уже принято, будет обустроиваться как цифровой «оазис». Что касается безопасности, то этому вопросу мы тоже уделяем большое внимание. И стараемся это делать не в ущерб общей политике открытости университета, которую так ценят наши гости из-за рубежа и из других городов России. Высокая степень толерантности к представителям других культур, свойственная томичам, нам в этом очень помогает.

И. К.-С. – И, наконец, еще один очень важный вопрос. Какие научные проблемы, связанные с цифровым кочевничеством, на Ваш взгляд, являются наиболее актуальными?

Э. Г. – Мне кажется, что здесь нужно выходить в более широкое проблемное поле. Пока еще мало изучен не только «цифровой кочевник», но и «человек цифровой эпохи» вообще. Главным вызовом для него является необходимость жить в условиях гибридной онтологии современного информационного сетевого общества. Под гибридной онтологией в данном случае я имею в виду форму бытия и картину мира с отсутствием четких границ между реальным и виртуальным. И такая двойственность бытия и восприятия окружающей действительности не может не менять идентичности человека, причем кардинально.

И. К.-С. – Да, она становится всё более фрагментарной и конформистской. По мнению некоторых западных ученых, целостность личности больше не является идеалом. Настоящую ценность приобретает способность человека быть динамичным и абсолютно разным в зависимости от обстоятельств, не впадая при этом в «цифровую шизофрению». Под последней имеется в виду состояние, при котором невозможна самоидентификация человека в условиях той самой гибридной онтологии, о которой Вы говорили. Что еще Вам кажется первостепенным в изучении гуманитарной проблематики цифрового общества?

Э. Г. – Многое. Например, противоречие между подготовленностью человека цифрового общества менять (технологически) реальность и отсутствием при этом соответствующих этических стандартов. Так поколение технологических «демиургов» может превратиться в поколение технологических «франкенштейнов». Актуализируется и масса других проблем, включая разрыв между быстро развивающимися новыми социальными практиками цифрового общества и сильно отстающими от них социально-гуманитарными науками.

И. К.-С. – Мы с Вами знаем, что отдельные научные коллективы ТГУ, например, кафедра гуманитарной информатики и наша кафедра социальных коммуникаций уже несколько лет занимаются определенными аспектами этой проблематики. Станет ли её изучение одним из приоритетных направлений для Томского госуниверситета в целом?

Э. Г. – Именно к этому мы и пришли в этом году, приняв решение о создании в ТГУ такой крупной структурной академической единицы (САЕ), как Институт человека цифровой эпохи (<http://ihde.tsu.ru>). Было бы странным ставить перед собой задачи выстраивания кадровой и образовательной политики университета в соответствии с наиболее актуальными трендами современного сетевого информационно-коммуникативного общества, не исследуя глубоко эти тренды. Сила потенциала этого нового Института – в его трансдисциплинарности. В него вошли кафедры, лаборатории и магистратуры разных факультетов, как гуманитарных, так и естественно-научных и технических. И многие из вошедших подразделений имеют серьезные научные заделы. Например, по изучению средовых и психогенетических факторов развития детей, то есть поколения цифровых аборигенов, о котором мы говорили выше. Результаты исследований Института станут основаниями для разработки принципиально новых образовательных программ и инструментов, которые помогут синхронизировать в реальном времени процессы развития человека и цифровых технологий.

И. К.-С. – Эдуард Владимирович, что бы Вы пожелали участникам третьей Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции «Connect-Universum – 2016», посвященной цифровому кочевничеству?

Э. Г. – Всем её участникам я желаю интересных выступлений, слушаний и дискуссий. Хочется надеяться, что этот международный научный Интернет-форум станет началом для новых сетевых проектов по самым актуальным аспектам цифрового кочевничества. Тем исследователям, которые ещё не пользуются этим понятием, считая, что этот тренд их не касается, предлагаю взглянуть на изучаемую ими проблематику через призму двух параметров: «высокая социальная мобильность» и «постоянная подключенность к Сети». И если в результате этого у них начнет вырисовываться новое, близкое им, предметное поле, значит, это их понятие, их тренд и их конференция!

DIGITAL NOMADS ARE AMONG US!

III International Transdisciplinary Scientific and Practical WEB-Conference «Connect-Universum-2016" (<http://connect-universum.com>) was held at the National Research Tomsk State University (TSU) on May 24-26, 2016. The organizers of the event are the Department of Social Communication of the Faculty of Psychology TSU and the Research Centre TSSW (Trans-Siberian Scientific Way) TSU. The theme of the Conference is “Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend”.

The interview taken by Irina Kuzheleva-Sagan, Head of the Department of Social Communication, with Eduard Galazhinskiy, TSU’s Rector, will help clarify the term digital nomadism and answer the question, “Why is it time to study the issue seriously?” (http://en.tsu.ru/about/rector_news/digital-nomads-are-among-us-part-i/; http://en.tsu.ru/about/rector_news/digital-nomads-are-among-us-part-ii/)

Irina Kuzheleva-Sagan (I. K.-S.): Some time ago, the topic of digital nomadism could seem more of a science-fiction one, than an actual object for scientific research. Especially for Siberia, as some part of the international audience still questions even the existence of the Internet here. However, you have shown a great deal of interest in it. Could you explain, why?

Eduard Galazhinskiy (E. G.): Being a manager and a psychologist myself, I cannot help being interested in the topic of digitalization. Besides, I feel like I am turning into a person of the digital epoch. Those are not just fine words but our reality today. We get most of our information from the digital media. Not only business communication, but also interpersonal activity is carried out via digital gadgets and technologies. There is nothing left for us but to acknowledge the advent of the digital era. We witness it no matter where we are: in Silicon Valley, Skolkovo, or Tomsk.

I. K.-S.: Tell us more about the term digital nomad, which was introduced to the world at the end of the 1990s by Tsugio Makimoto and David Manners (“Digital Nomad”, 1997).

E. G.: Along with the term digital nomads proposed by Makimoto and Manners, several similar metaphorical terms, such as digital natives and digital immigrants, were coined by Mark Prensky. A little later, the term digital cowboys was proposed by Pekka Viljakainen and Mark Mueller-Eberstein in their book “No Fear: Business Leadership for the Digital Age”. Some people confuse all these terms. But if one takes a while to think, they can easily figure out the differences between them even without looking in the books. Digital natives are young people, teenagers and children, who have been surrounded by the digital environment since the day they were born. One may say that they were born with iPhones in their hands and that they are bearers of “the language of digital technologies”. Digital immigrants are people who were born before the era of digital technologies. So, they are not native “digital technologies language” speakers. They have to learn this language out of their free will or by necessity. Digital cowboys are some sort of digital natives, but they tend to freedom and risk, especially in the sphere of entrepreneurship. Digital nomads are constantly connected to the Net and, which is the most important thing, they have a desire or a necessity to constantly change their residence in reality. They need, just like real nomads, to change their “pastures”.

I. K.-S.: Makimoto and Manners, in general, define the main characteristics of digital nomads as the constant connection to the Net and constant mobility.

E. G.: It is clear today that this new identity was thought to have appeared under the influence of several factors, such as the rapid development of air transportation and the infrastructure of hosting service; rise of academic and business mobility; absence of long-term guarantees of employment, which led to the necessity to look for jobs in other cities and countries; decreased interest in buying real estate, which can tie up to one place of residence; and so on.

I. K.-S.: But the main causes of digital nomadism appearing as a phenomenon were exponential growth in manufacturing of digital mobile devices, development of the Internet, and the total switch to the wireless communication. As a result, at the beginning of the 2000s many employees

and employers realized that the only thing needed for effective work productivity was a laptop. Sometimes, even a smartphone was enough. Fact: in Japan, 5 out of 10 book bestsellers were written on smartphones in 2007. There is also a story about Diogenes, who saw a boy drinking water out of his palm and throw away his cup.

E. G.: True. Why waste money on buying or renting office spaces, if one can communicate with their staff or clients via Skype? If it is necessary to have a meeting, one can do that in so called third places – cafes, libraries, and co-working zones. This cheap and effective way to organize business communication began to be popular in big cities first and then in other places with Internet connections. When you begin learning about digital nomadism, you realize that it has become truly global in the last 20 years. It is enough to type the words “digital nomads” in any search engine to see thousands of pages referring to this social practice. First of all, one finds blogs created by digital nomads themselves.

I. K.-S.: Do you sometimes see yourself as a digital nomad?

E. G.: Yes, I see myself that way pretty often. My position means that I have to travel a lot and always to be online. This constant connection to the Net, despite where you are, changes the lifestyle and the way of working. Everything turns into office: a café table and airport lounge chair.

I. K.-S.: Do you feel like you have new opportunities or new boundaries?

E. G.: Actually, both. The advantages are that I can communicate with anyone any time I need to, receive and send information, and be in control of my online presence. The main disadvantage, however, is that I can never feel that I’m offline. I get an email – I have to respond to it immediately. Such a lifestyle requires certain skills; otherwise, life becomes extremely nervous. One must have certain psychological skills as well to live comfortably being constantly connected and mobile. It is important to pay attention to physical health, because of additional pressure – the continuous change of time zones and unlimited working schedule.

I. K.-S.: You may agree that not everyone can get through the difficulties of the digital nomad lifestyle in the digital society, despite all the advantages it provides.

E. G.: Everyone makes a choice now. If one wants to be updated on what is going on and be demanded as a professional, they have to master such a way of living. At present, the most in-demand specialists turn to this way of existence. On a global scale. These people need to be motivated differently, they need different organization of their working spaces. For a university rector it is also a challenge. The University is a community of free creative individuals. Such individuals today become digital nomads. Especially if they are young and appear to be digital natives, who can use all the technical achievements of the modern network information society. They speak several languages and have no problems with maintaining international communication. These people are oriented towards the highest level of self-actualization. They search for new types and places of activity. But they will do only what they are really interested in. How do we keep them as employees – professors and researchers? Only by creating a new – nomadic – environment for life and work, which allows them to enjoy travelling and to be productive employees. Honestly, universities have not begun thinking this way yet.

I. K.-S.: Has anyone done that?

E. G.: Entrepreneurs have. Research done by Pekka Viljakainen and some other studies showed that business has come to the point where they are ready to use the potential of digital nomads and can turn it into profit. For example, PricewaterhouseCoopers has developed a whole system of cooperation with talented and fidgety young people. Employees of PricewaterhouseCoopers have flexible schedules. They can take vacations any time they want to go for several months and work remotely on a beach. They can change places of residence and even types of activity. At first sight, it seems to contradict to the classical market ideology. However, if we look closer, we will see that this organization has an opportunity to hire the best professionals despite their places of residence. And not to lose them if something changes in their lives. Moreover, working in different parts of the world, these employees become their company’s ambassadors and find new target audiences for the company. For me it proves that the phenomenon of digital nomadism can trigger economic processes.

I. K.-S.: Why haven't universities started thinking this way? Don't they need the best professionals and ambassadors all over the world? Such employees could consult students and post-graduates, conduct online lectures, give tasks to the audience, and evaluate the results. Perhaps, there are some technical problems, which do not allow organizing the online education process properly?

E. G.: There are no technical problems. Multiple applications and platforms have been developed to maintain communication between professors and students, even if they are in different realms of the world. There is another problem. A problem of a bureaucratic matter that concerns our labor code, which was written and issued before the digital era. Everybody heard the story about a professor from Chelyabinsk who faced charges for fraud. He was in training abroad. The training programme was paid for by the receiving party. Being abroad, the professor conducted lectures remotely. Despite the fact that the students confirmed that the classes really had taken place, the professor faced charges for embezzlement. It happened two years ago, even though there was already a chapter on distance work in the labor code of the Russian Federation.

I. K.-S.: It is difficult to be a digital nomad with our labor code...

E. G.: Meanwhile, such a free way of interaction between a university and its employees seems to be the best for both sides. There are classes in a curriculum that may be conducted remotely if needed. But there is also research work that can be done any time at all. Some people are most productive in the morning, some feel inspiration at night. The most important thing is a result: a scientific discovery, project, or publication. It is important to remember that different people need different amount of time to complete their work. So our labor code should be oriented, first of all, towards the results universities may achieve hiring people to work on- and offline. Unfortunately, it is extremely difficult today to connect our labor code with the challenges of the digital era. And nobody is trying to solve the problem at the moment. Universities are not allowed to hire the best specialists, who prefer to work remotely.

I. K.-S.: Do you believe the situation will change some day?

E. G.: Yes, I do. Otherwise, Russian universities will never achieve their bold goals and will be left behind by those who accept the changes of the digital era.

I. K.-S.: Professor Galazhinskiy, up until now you have been talking about all the opportunities provided by the specifics of the lifestyle of digital nomads that professors and researchers can exploit. But some digital nomads are students!

E. G.: Of course. Many international universities, including leading ones, use distance learning technologies to attract this new audience. They provide people who are constantly connected to the Net and move around with the opportunity to study while living their nomadic life. If the Internet connection is good, there are no obstacles for them to master certain professional skills and competencies, while moving around.

I. K.-S.: What do you think of the potential Tomsk State University has in this regard?

E. G.: We began developing courses for distance education not long ago. However, the results we have now are very encouraging. TSU professors created 12 education resources for the international education platform Coursera. Some of them are on the top list of the most popular courses of the Russian segment. 30,000 people have completed our courses, thus, we can say that there is one more Tomsk State University people can study at, online. Now we need to enter the English segment of Coursera and get oriented towards the audience of global digital nomads.

I. K.-S.: How can new challenges and trends of the digital epoch change the policy of the oldest university in Siberia?

E. G.: They can change it dramatically. For decades, we had a goal to keep the best graduates and the best international and Russian specialists from leaving Tomsk, once they got here. This goal is absolutely unachievable today, because of the level of social mobility young and middle-aged specialists choose as their lifestyle. Digital nomads are not interested in living in the same place for many years, even when this place is not Tomsk, but, for example, San Francisco or London. It is not necessary to position Tomsk as a place for permanent residence and TSU as a place for permanent

work. We have to announce from the beginning: our University is a communication hub. We invite you here but we do not expect you to stay for the rest of your life. We have an offer you may consider and stay with us for two or three years to do research and to get skills that you will not be able to master in any other place in the world.

I. K.-S.: Do you think this is the most effective way to attract international students and researchers nowadays?

E. G.: Yes. We have to look all over the world for professionals who might be interested in working at our University. Of course, money is very important too. But it is not the most important thing for such people as, for example, Terry Callaghan. We will always have less money than Cambridge and Stanford. We will never be able to outbid them for the best specialists. We will just be able to create brand new opportunities for their self-actualisation and to make it interesting for them. To work with such people is harder than just to recruit on the current labor market.

I. K.-S.: Apparently, our education policy must be developed in accordance with this trend. It means we should offer interesting Master's Degree programmes to attract young people.

E. G.: Of course! 80% of our students now are from other Russian cities and regions. We work on a country scale and, most certainly, can do the same on a global scale too, as many American and European universities do.

I. K.-S.: What particularly can attract international digital nomads – students and professors – at Tomsk State University? Besides their taste for changing places to live and their adventurous nature?

E. G.: Opportunities to study unique objects, phenomena, and processes may be very appealing. First, Siberia itself as a mega-climate “instrument” that influences global climate. They can study it here not only in classrooms, but during expeditions to the Vasyugan Swamp and the University's mountain station in Aktru. Our museums, laboratories, and departments have rare collections in mineralogy, botany, zoology, archeology, and ethnography. One can do research on actual Siberian material, which is very rich in information because it was formed on the crossroads of two continents – Europe and Asia. The Department of Rare Books and Manuscripts of the TSU Research Library can offer a wide choice of materials that have never been studied by anyone. Talented students, postgraduates, and PhD students can be involved in big international projects carried out by our physicists, chemists, psychologists, and linguists. And these are just some of the opportunities we can provide our future students.

I. K.-S.: Digital nomads are known for being very particular about the infrastructure they live and work in: spaces with stable and fast Internet, sockets to charge their gadgets, 24-hour co-working zones, and other cozy places with the Internet, where they can work, eat, and have a cup of coffee. Safety is very important for them as well. Can TSU provide with all of that?

E. G.: It will be able to do that in the near future. We realize that if TSU does not turn into an oasis for digital nomads, they will not come here. At least, not on a regular basis. We have begun developing such an infrastructure. There is a 24-hour co-working zone for students at the TSU Research Library. Young city digital nomads seem to be enjoying it a lot! Recently, a new study hall for individual and team work has been opened. We are working on the quality of the Internet not only in the university buildings but in dorms as well. We are improving all our premises in terms of their coziness and opportunities to eat and drink. A new dormitory we are going to build will certainly be a digital oasis. We pay a lot of attention to the safety issue. We try to provide our employees and guests with security, keeping the policy of openness, which is valued very much by our students from other parts of Russia and from other countries. In general, people in Tomsk are very tolerant of other cultures and nationalities, which is also very helpful.

I. K.-S.: And, finally, one more very important question: in your opinion, what are the most current scientific issues connected with the phenomenon of digital nomadism?

E. G.: I believe, we have to expand the area of research. So far, researchers have not paid enough attention not only to digital nomads, but to an individual of the digital era in general. The main challenge for the latter is to live at times of hybrid ontology of the modern information and

network society. Under the term hybrid ontology I include relatedness and world view with no clear boundaries between reality and virtuality. This ambivalence in existence and perception of reality makes individuals dramatically change their identity.

I. K.-S.: It becomes more fragmented and conformist. Some western researchers argue that there is no more such an ideal as integrity. There are different values instead, such as capability of being dynamic and changing in accordance with circumstances, without going digitally schizophrenic, that is, without going into a state when self-identification under the conditions of the hybrid ontology is simply not possible. What are the other issues (in the area of the humanities) of the digital nomadism phenomenon that need to be investigated?

E. G.: There are many such issues. For example, contradiction between the fact that people of the digital society are ready to change the reality (technologically) and the absence of any appropriate ethical standards. Therefore, the generation of digital “demierges” may turn into a generation of digital “frankensteins”. Another example is a gap between rapidly developing new social practices of the digital society and the level of research where social studies and humanities are now.

I. K.-S.: We both know that there are several research teams at TSU, for example, the Department of Digital Humanities and our Department of Social Communication, which have been dealing with various aspects of digital nomadism for several years. Will the topic become one of the leading areas of research for Tomsk State University in general?

E. G.: We came to this idea at the beginning of 2016 and established a new academic entity, which is the Institute of the Human of the Digital Era. It would be strange to follow education policy in accordance with the most current trends of the modern network information and communication society without doing research in this area. The main advantage of the Institute is its transdisciplinary approach to research. There are departments and laboratories of different faculties, specializing in humanities, natural science, and engineering.

I. K.-S.: Professor Galazhinskiy, what would you say to the future participants of the III International Transdisciplinary Web-Conference Connect-Universum-2016, which will have the topic of digital nomadism as the main theme?

E. G.: I wish them interesting presentations, reports, and discussions. I hope this international web-forum will be the first step in a chain of projects on the most current issues of digital nomadism. To those researchers who still think that this topic is not a part of their research area, I propose looking at it from the perspective of two parameters: social mobility and constant connection to the Net. And if they find certain areas for investigation, it will mean that this is their trend and their conference as well!